

глубина, великъ и непостижимъ: человѣку объ Немъ и думать не подѣ силу. Многіе хотѣтъ узнать Бога, да не многимъ дается на это премудрость. Есть люди такіе, что умомъ крѣпки, и сердцемъ смиренны, и отъ Самого Бога добрыми дѣлами заслужили помощь: тѣ и могутъ правильно понимать нашу вѣру. А есть и другіе, что возгордились сами о себѣ; отъ нихъ за это благодать Божія отходитъ, и попадаютъ они въ разныя ереси,—все равно, что гнилой корабль: выйдетъ въ море и тонетъ. Если иной разъ и не совсѣмъ пропадетъ такой человѣкъ, то все же у него душа не въ покоѣ, и не могутъ эти люди ни вѣры въ себѣ настоящей найти, ни истины Христовой познать. А что жизнь у насъ разная, такъ это оттого, что когда Христосъ сошелъ на землю, то не отнялъ у людей прежняго ихъ закона, написаннаго въ десяти заповѣдяхъ, чтобъ худыхъ дѣлъ не дѣлать, не убивать, не красть. Тѣмъ же, кто къ Богу имѣетъ великую любовь и великое усердіе, далъ Спаситель новую Свою заповѣдь, евангельскую, совершеннаго житія. Трудная эта заповѣдь: не всякому ее можно исполнить и никого къ ней Богъ не принуждаетъ. Говоритъ Христосъ въ Евангеліи: *Мойй вмѣстити, да вмѣститъ* (Мѡ. гл. 19, 12).

«Поставилъ Богъ человѣка въ мірѣ между Ангелами и скотами: до Ангеловъ его не допускаетъ гнѣвъ, и злоба, и всякое тѣлесное желаніе, а отъ скотовъ его раздѣляетъ разумъ и душа безсмертная. И далъ Богъ человѣку выбирать себѣ жизнь, какую самъ хочетъ: или, давши волю своему тѣлу, съ тварью безсловесною сравняться, или чистою и праведною жизнію до Ангеловъ небесныхъ подняться.

«Путь житія святаго, ангельскаго, немногіе выбираютъ,—тѣ, что желаютъ себѣ высокой награды въ царствіи небесномъ и, взявши крестъ свой, грядутъ во слѣдъ Самому Господу. Это у насъ чернецы: живутъ они въ монастыряхъ и въ пустыняхъ, ничего мірскаго въ мысляхъ не держатъ и всякій трудъ на себя принимаютъ во славу имени Господня. А прочіе христіане идутъ во спасеніе путемъ попросториѣ: вѣруютъ во Христа и жизнь свою по вѣрѣ своей стараются вести, а живутъ въ городахъ и въ селеніяхъ, каждый при своемъ дѣлѣ, при своей работѣ. Это у насъ міряне.

«Ваша же вѣра магометанская все равно какъ мелкій ручей, что и всякій можетъ въ бродъ перейти; и законъ вашъ не Божественное что-нибудь, а просто обычай человѣческій; и соблюдаете вы его все потому, что его легко соблюсти.»

Кончилъ рѣчь свою Кириллъ и заговорили Сарацины:

«Разскажи намъ, чтобъ мы поняли, какъ вы своему Единому Богу молитесь въ трехъ лицахъ: Отцу, и Сыну, и Святому Духу?»

Тогда Кириллъ показалъ имъ рукою на солнце и сказалъ: